

Стоюнин Владимир Яковлевич

**О преподавании русской
литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Яковлевич С.**
О преподавании русской литературы / Стоюнин Владимир Яковлевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 445 с.

ISBN 978-5-519-75533-7

ISBN 978-5-519-75533-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Элегія Пушкина Брожу ли я	143
Безумныхъ дѣтъ Пушкина	146
Мотивы поэзіи Кольцова	147
Изученіе басенъ Крылова	148
Драма Пушкина Борисъ Годуновъ	152
Комедія Грибоѣдова Горе отъ ума	162
IV. Вопросъ о предѣлахъ исторіи литературы. Чѣмъ ее можно отличить отъ исторіи цивилизаціи? Идеальная сторона жизни. Значеніе общечеловѣ- ческаго элемента въ литературномъ произве- деніи.	168
V. Идеалы народа, духовенства, князя и дружины при началѣ русской литературы. Лѣтопись Не- стора. Ея эпическая сторона. Дружинный эпосъ. Значеніе рассказовъ о печерскомъ монастырѣ. Цивилизующая сила, выразившаяся въ лѣтописи. Поученіе Владиміра Мономаха. Развитіе идеала дружиннаго князя подъ вліяніемъ христіанскаго идеала. Дружинные поэты-пѣвцы. Личность пѣвца „Слова о полку Игоревѣ“. Отношеніе его къ кня- зю, дружинѣ, русской землѣ; особенныя черты его идеаловъ. Какія части Слова могутъ быть предметомъ класснаго изученія	177
VI. Отношеніе аскетическаго идеала къ жизни на- родной. Степень византійскаго вліянія на талан- ты и умы русскихъ людей. Проповѣди Кирилла Туровскаго.	206
VII. Первое слѣдствіе татарскаго нашествія въ от- ношеніи религіозныхъ людей къ народу. Глав- ныя черты монашескаго идеала, вызванныя та- тарскимъ погромомъ. Проповѣди Серапіона. Из- мѣненіе идеаловъ русской жизни при другой об- становкѣ. Какія оказались поприща для удовле- творенія духовныхъ стремленій русскаго чело- вѣка? Развитіе аскетическаго идеала. Мѣстныя народныя сказанія. Отношеніе богатырскаго эпоса къ историческимъ народнымъ пѣснямъ	214
VIII. Измѣненіе аскетическихъ идеаловъ. Вліяніе че- тенія на страстныя натуры и стремленіе ихъ вве- сти въ жизнь книжныя идеалы. Различіе въ идеа- лахъ аскетическихъ и столкновеніе за нихъ.	

Примѣненіе книжныхъ и отвлеченно-созданныхъ идеаловъ къ дѣйствительной жизни	230
IX. Перерожденіе идеала князя въ идеалъ господина и царя. Вліяніе византійское и татарское. Столкновеніе новыхъ 'московскихъ идеаловъ со старыми. Идеальныя отношенія московскаго князя и дружны. Измѣненіе этихъ отношеній. Дальнѣйшее развитіе идеала въ стремленіяхъ Ив. Вас. Грознаго и его столкновеніе съ дружинными понятіями. Князь Курбскій. Развѣтїе идеи правды. Московская правда	247
X. Отношеніе московскихъ властей къ старинѣ. Развѣтїе семейнаго идеала въ связи съ другими идеалами подъ вліяніемъ книжнымъ. Домострой. Народный взглядъ на личность Ив. Вас. Грознаго въ историческихъ пѣсняхъ	264
XI. Вопросъ о распространеніи грамотности и книжныхъ свѣдѣній въ народѣ. Духовныя стѣхи. Значеніе мѣстныхъ святыхъ и сказаній о нихъ. Литературное выраженіе интересовъ нищенства и странничества	276
XII. Идеалы престопадной жизни по легендамъ. Народныя протесты въ легендахъ и въ лирическихъ пѣсняхъ. Голосъ освобождающейся личности и столкновеніе ея съ старыми понятіями. Нравственныя основанія новыхъ отношеній, вырабатывающихся въ народѣ	289
XIII. Отношеніе схоластической литературы къ русской жизни. Столкновеніе аскетическаго идеала съ новымъ, признавшимъ науку какъ разумную силу. Протопопъ Аввакумъ	308
XIV. Дальнѣйшее развитіе идеала царя въ стремленіяхъ Петра великаго. Идеалъ европейца. Отношеніе этихъ идеаловъ къ наукѣ и русской жизни. Неблагопріятная для развитія науки обстановка, данная Петромъ. Новая цивилизующая сила.	319
XV. Вопросъ о началѣ новой исторіи русской литературы. Первый протестъ науки противъ того неестественнаго положенія, въ какое она была по-	

- ставлена. Переходъ къ новому стихосложенію въ стпхѣ Кантемира. Разборъ первой его са-
тиры 229
- XVI. Отношеніе русскихъ писателей къ обществу и властямъ. Главные вопросы при изученіи сочиненій Ломоносова. Разборы: VIII ода, Вечернее размышленіе, О пользѣ книгъ церковныхъ. Вопросъ объ изученіи похвального слова Петру великому. 341
- XVII. Дѣятельность Сумарокова. Причины медленности общественнаго развитія, несмотря на успія литературы. Развитіе идеала нравственнаго челоѣка въ связи съ европейскими идеями; отношеніе его къ условіямъ и обстановкѣ русской жизни. Разборъ Недоросля Фонвизина. . . 355
- XVIII. Разборы одъ Державина: на смерть к. Мещерскаго, На рожденіе порфиророднаго отрока, Фелица, Богъ. Разладъ между литературными и правительственными стремленіями Екатерины II. Первые вопросы о нравственныхъ народныхъ интересахъ. Радищевъ. 378
- XIX. Какъ изучать сочиненія Карамзина. Письма рус. путешественника, Повѣсти, Разсужденія, Исторія. 398
- XX. Разборъ стихотвореній Жуковскаго: Сельское кладбище, Теонъ и Эсхинъ, Эолова арфа, Узникъ, Элевзинскій праздникъ 425

11111

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Достоинство преподаванія каждаго учебнаго предмета зависитъ сколько отъ личности преподавателя, столько же и отъ тѣхъ учебныхъ средствъ, какими онъ можетъ свободно располагаться. Безъ нихъ у него нѣтъ возможности удовлетворить многомѣ педагогическимъ требованіямъ, какъ бы ни казались они ему основательными и разумными. Онъ по неволѣ долженъ ограничить свою дѣятельность и изыскивать разные способы, чтобы его уроки принесли какую либо существенную пользу ученикамъ. Такое стараніе требуетъ особеннаго и нерѣдко утомляющаго напряженія силъ и значительной траты времени, чего не могло бы быть, еслибы подъ руками учениковъ были всѣ нужныя учебныя пособія. И не смотря на подобныя усилія, дѣло все же не достигаетъ желанныхъ результатовъ. Въ такомъ положеніи были у насъ преподаватели русской словесности, которые, убѣдившись въ несостоятельности прежнихъ методовъ, риторическихъ и пинтическихъ ученій, стали искать новыхъ матерьяловъ преподаванія, болѣе живыхъ и развивающихъ, новыхъ способовъ ихъ изложенія, болѣе согласныхъ съ педагогическими цѣлями, словомъ стали прокладывать новую дорогу и въ то же время не могли найти для себя никакихъ удовлетворительныхъ учебныхъ пособій. Принужденный довольствоваться тѣ-

ми ничтожными средствами, какія только могъ соединить въ своихъ рукахъ, каждый изъ нихъ имѣлъ возможность опереться только на свой личный трудъ и требуя себѣ содѣйствія отъ своихъ учениковъ, не рѣдко затруднялъ ихъ бесполезною работою, какъ напр. переписываніемъ своихъ записокъ, которыя и самъ опъ составлялъ съ немалою тратою времени, тогда какъ при другихъ условіяхъ всѣ эти силы и время могли бы пойти на трудъ, болѣе производительный и развивающій способности.

Отъ этого и случилось, что въ настоящее время въ педагогическомъ мірѣ ни въ какомъ кружкѣ нѣтъ такого разпогласія, какъ между преподавателями русской словесности. Они не могутъ единодушно согласиться ни въ матерьялѣ, ни въ цѣли, ни въ способахъ преподаванія.

Само собою разумѣется, что пачальственные предписанія строго держаться опредѣленной программы и руководства не могутъ повести къ соглашенію. Они въ состояніи привести все къ внѣшнему единству, но будетъ ли какая либо польза отъ такого преподаванія? Какъ заставить учителя преподавать то, въ пользѣ чего онъ самъ не убѣжденъ? Если его личность имѣетъ весьма важное значеніе въ преподаваніи, чего никто не станетъ отрицать, то какимъ же образомъ безъ вреда для самого дѣла будутъ подавлять ее навязываніемъ чужихъ взглядовъ? Такое преподаваніе будетъ совершенно противоестественнымъ, мертвымъ, машинальнымъ, а потому скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Тутъ возможно только свободное соглашеніе, а для него существуетъ одна дорога — литературное изложеніе своихъ взглядовъ, опытовъ, соображеній. Пусть всѣ они выяснятся вмѣстѣ съ методами, которыя до сихъ поръ вырабатывались разными личностями. Тогда по крайней мѣрѣ будетъ довольно матерьяловъ, чтобы сдѣлать какой либо общій выводъ. Тогда пачинающимъ педагогамъ будетъ изъ чего выбирать для собственныхъ опытовъ и для дальнѣйшей разработки той или другой методы.

Каждый преподаватель долженъ найти въ своемъ учебномъ предметѣ три живыя силы, которыя бы благотѣльно дѣйствовали на учащихся: 1) онъ долженъ сообщать имъ исти-

ныи познанія, касающіеся природы и человѣка, 2) развивать ихъ и 3) приучать къ труду. Матерьялъ, передача и воспринятіе его и разумная работа надъ нимъ—вотъ тѣ три силы, которыя должны соединиться въ преподаваніи, чтобы дать ему педагогическое или воспитательное значеніе. Разъединить ихъ или выдѣлять одну изъ прочихъ значитъ не понимать настоящей цѣли преподаванія и не достигать того, чего необходимо достигнуть. Есть такіе преподаватели, которые исключительно заботятся о количествѣ знаній, «чѣмъ больше, тѣмъ лучше» говорятъ они, и дѣйствительно передаютъ много фактовъ и даже разсужденій, разсчитывая на силу памяти, которая на извѣстное время можетъ удержать все передаваемое. Про ихъ учениковъ можно сказать, что они выучили предметъ, но нельзя сказать, что они правильно развивались на этомъ предметѣ, а тѣмъ болѣе что они разумно надъ нимъ работали, и слѣдственно привыкали къ труду, съ тѣмъ чтобы понять его нравственное значеніе. Они только учили на память, считая это занятіе утомительнымъ трудомъ, къ которому трудно почувствовать расположеніе.

Есть другіе преподаватели, которые на первомъ планѣ ставятъ развитіе и основываютъ его на занимательности или интересности передаваемыхъ познаній. Необходимо овладѣть вниманіемъ ученика, говорить онъ, чтобы онъ слушалъ васъ съ большимъ интересомъ; только при такомъ условіи онъ безъ всякаго труда, легко и скоро будетъ запоминать ваши уроки и конечно, будетъ развиваться вашими бесѣдами съ нимъ. Такіе преподаватели дѣйствительно разсказываютъ чрезвычайно интересно. Ученики слушаютъ ихъ очень внимательно, разспрашиваютъ ихъ съ удовольствіемъ, а они еще съ большимъ удовольствіемъ распространяются въ подробностяхъ на ихъ разпросы. Все это очень хорошо, потому что въ такихъ бесѣдахъ много жизни, есть живая связь между наставниками и учениками; но нѣтъ одного очень важнаго обстоятельства: заботясь о всевозможныхъ облегченіяхъ, наставникъ нисколько не думаетъ о трудѣ. Его ученики легко воспринимаютъ все, что онъ имъ разсказываетъ, показываетъ и объясняетъ; такъ какъ онъ знаетъ во всемъ мѣру, то они

я не утомляются, а всегда бодры, свѣжи и радуютъ его, пересказывая его рассказы и объясненія, убѣждая при этомъ, что любознательность дѣйствительно возбуждена въ нихъ. И это хорошо, но тутъ мы видимъ только страдательное, пассивное воспріятіе. Оно доставляетъ ученику большое удовольствіе, раскрывая ему новый міръ, сообщая много новыхъ понятій; самому ему трудиться не падъ чѣмъ. А между тѣмъ впереди ждетъ его жизнь, главное значеніе которой должно быть въ трудѣ. Если воспитаніе готовить человѣка для жизни, то большая ошибка со стороны воспитателя не обращать вниманія на возбужденіе труда, не заставлять трудиться такъ, чтобы ученикъ увидѣлъ наконецъ въ трудѣ нравственную пользу, независимо отъ матеріальной, чтобы трудъ сдѣлался его потребностью. Конечно, очень пріятно удовлетворять своей любознательности, слушая другихъ, очень пріятно такимъ образомъ пріобрѣтать себѣ познанія, развиваться и умнѣть и очень было бы спокойно, еслибы можно было такъ прожить всю жизнь. Но какой толкъ выйдетъ изъ нея? Людей много говорящихъ и не умѣющихъ ни за что взяться, резонирующихъ, все осуждающихъ, даже развитыхъ, умныхъ и постоянно ничего не дѣлающихъ и нисколько не чувствующихъ потребность въ трудѣ, мы видали немало и встрѣчаемъ безпрестанно. Они давно убѣдили насъ, что отъ нихъ нечего ждать какой либо пользы, потому что они въ трудѣ хотѣли бы найти только одно удовольствіе. Итакъ при воспитаніи упустить изъ виду трудъ значитъ сдѣлать непростительную ошибку. Впрочемъ мы нисколько не возстаемъ противъ многихъ облегченій, которыя можно сдѣлать при передачѣ или усвоеніи познаній, и нисколько не сочувствуемъ тѣмъ педагогамъ, которые съ намѣреніемъ дѣлаютъ разные трудности, лишь бы только помучить ученика надъ работою. Муча и трудъ не одно и тоже. ✓
Не всякая работа заставить полюбить трудъ. Значить, прилагая заботы о трудѣ, необходимо опредѣлить и достоинство труда т. е. спросить себя: какой трудъ не будетъ безплоднымъ, какія трудности преодолевать ученику полезно и какія олько мучительно?

Такимъ образомъ преподавателю необходимо нужно вы-
снять себѣ достоинство тѣхъ познаній, какія онъ будетъ пере-
давать изъ круга своей науки, достоинство трудовъ, которые
онъ намѣренъ задавать ученику въ работѣ надъ передавае-
мымъ матеріаломъ, и наконецъ достоинство тѣхъ способствъ,
которые онъ будетъ употреблять для развитія, опредѣляя
при этомъ, какія силы духа или способности въ состояніи раз-
вивать его учебный предметъ.

Читатель, можетъ быть, замѣтитъ, что мы употребляемъ
выраженіе *учебный предметъ* съ цѣлью обойти слово *наука*,
потому что не все то, что преподается ученикамъ, можетъ
назваться наукою въ томъ строгомъ смыслѣ, въ какомъ обык-
новенно ее принимаютъ. Впрочемъ все это нисколько не от-
нимаетъ у учебного предмета педагогической силы и тѣмъ
болѣе не доказываетъ его бесполезности. Такъ напр. словес-
ность въ нашихъ глазахъ не составляетъ науки, потому что
целью же назвать этимъ именемъ нѣсколько теоретическихъ
положеній и нѣсколько историческихъ фактовъ, которые при-
ходится сообщать ученикамъ. Даже еслибы преподаватель взду-
малъ дать имъ видъ науки, что многіе дѣйствительно и дѣ-
лаютъ, то една ли бы онъ поступилъ хорошо въ педагогиче-
скомъ отношеніи, потому что не этотъ матеріалъ развиваетъ
ученика, занимающагося словесностью. По нашему мнѣнію,
основанному на опытѣ, отвлеченная теорія, голословная ха-
рактеристика писателей и ихъ произведеній не имѣютъ никакой
образовательной силы и если въ нихъ будетъ заключаться вся
сущность науки, то она дѣлается совершенно бесполезною.
Ученики обыкновенно стараются заучить ихъ только на па-
мять, да иначе и трудно что нибудь сдѣлать съ такими по-
знаніями. Они нисколько не увеличиваютъ суммы тѣхъ живыхъ
знаній, которыя дѣйствительно образуютъ насъ, развивая
истинныя понятія о природѣ и человѣкѣ и тѣмъ становя насъ
въ правильныя къ нимъ отношенія. А этого-то именно и дол-
жно добиваться обученіе; здѣсь заключается основа для опре-
дѣленія достоинства передаваемыхъ познаній.

Для насъ словесность — не наука, а литература, т. е. ма-
теріалъ ея составляютъ литературныя произведенія, кото-

рыя подлежать изученію и разбору. Мы съ памѣреніемъ прибавили эту послѣднюю фразу, потому что одно простое чтеніе литературныхъ произведеній, какъ бы хороши они ни были, не можетъ выполнить педагогическихъ задачъ, хотя ученики и съ большимъ интересомъ будутъ слушать чтеніе, по оно для нихъ будетъ болѣе забавою, чѣмъ серьезнымъ дѣломъ. Здѣсь мы воспользуемся словами г. Скопина ¹⁾).

«На каждомъ образовательномъ заведеніи, говоритъ онъ, лежитъ обязанность сдѣлать достойнымъ учениковъ тѣ идеи, которыя благороднѣйшіе представители человѣчества положили въ основу своихъ сочиненій. Цѣль же эта будетъ достигнута не тогда, когда ученики прочтутъ эти сочиненія, а когда вполнѣ *изучатъ ихъ содержаніе* и изложатъ письменно результаты своего изученія.... Изучить произведеніе не значитъ только прочесть его; говоря «я изучилъ это сочиненіе», я разумѣю три мыслепыя операціи, которыя я совершилъ надъ его содержаніемъ въ своемъ сознаніи: во первыхъ, я изучилъ отдѣльные факты, во вторыхъ, я уразумѣлъ внутреннюю связь ихъ, въ третьихъ, я опредѣлилъ, на сколько эти факты подтверждаютъ идею, которую они должны доказать т. е. другими словами: изучилъ содержаніе, позналъ и *критически* разобралъ его композицію. Только такое полное изученіе можетъ принести пользу учащимся. А чтобы достигнуть его, они должны совершить надъ сочиненіемъ множество переработокъ, найти отвѣтъ на множество вопросовъ, предложенныхъ имъ учителемъ, относительно содержанія».

Главная сущность здѣсь должна заключаться въ бесѣдѣ съ учениками о прочитанномъ сочиненіи, въ основательномъ его разборѣ и въ домашнихъ письменныхъ работахъ надъ нимъ. Какія же познанія, спросятъ насъ, будутъ сообщать литературныя произведенія и какъ оцѣнить достоинство этихъ познаній? Въ каждой литературѣ есть столько прекрасныхъ произведеній, что нѣтъ возможности перечитать въ классѣ ихъ все, слѣдственно необходимо опредѣлить, чего держаться при

¹⁾ Журналъ Учитель 1863 г., программа преподаванія русск. язык. и словесности.